

ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

Место Ивана Алексеевича Бунина в истории русской литературы определяется в первую очередь его прозой. Как прозаик он получил в 1933 году Нобелевскую премию по литературе. Лирика его осталась несколько в тени. Впрочем, были и люди, предпочитавшие бунинскую «струящуюся поэзию» его «бархатной прозе». Среди них был Владимир Набоков, чьи слова мы только что процитировали. Стихи Бунин писал с ранней юности и до середины 1920-х годов. После этого у него родилось лишь несколько стихотворений. Высший расцвет поэтического таланта Бунина выпал на предреволюционные и первые послереволюционные годы. Его поэзия была высоко оценена официальными литературными инстанциями, но в гораздо меньшей степени теми собратьями по перу, которые определяли лицо эпохи. В поэзии своего времени (в отличие от прозы, заметим) Бунин оставался одиночкой.

Иван Алексеевич Бунин родился 10 (22) октября 1870 года в Воронеже. Он происходил из

знатного дворянского рода, известного с XV века (внебрачным сыном одного из Буниных был В.А. Жуковский), но та ветвь, из которой он происходил, обеднела и захирела. Дед писателя Николай Дмитриевич и его отец Алексей Николаевич служили в губернии в небольших чинах. Алексей Николаевич, человек горячий, физически сильный, не получивший никакого образования, но бессистемно начитанный, в качестве ополченца участвовал в Крымской войне. В основном он занимался сельским хозяйством в своем небольшом имении, но не особо преуспел и умер в бедности. От брака с Людмилой Александровной Чубаровой у него было четверо детей, не считая умерших в детстве, — Юлий (литератор), Евгений (сельский хозяин, в отличие от отца, успешный, и художник-дилетант), Иван и Мария. Иван Алексеевич был намного моложе старших братьев, но дружен с ними, особенно с Юлием.

В 1881 году будущий писатель поступил в Елецкую мужскую гимназию, но через пять лет оставил ее, поселившись в родительском имении Озерки. Дальнейшим его образованием занимался брат Юлий, сосланный в Озерки под надзор полиции. В автобиографическом романе «Жизнь Арсенье-

ва» Бунин иронически описывает революционно настроенное окружение брата, но Бунин 1880-х — не тот надменный, погруженный в глубокие экзистенциальные и эстетические переживания интеллигент, который в конце 1920-х писал роман, а юноша, живущий интересами своего поколения. Неслучайно первым опубликованным стихотворением Бунина («Родина», 1887, № 2) стало «Над могилой С. Я. Надсона». Рано умерший поэт Семен Яковлевич Надсон был необыкновенно популярен в 1880-е годы, да и позднее. В стихотворении Бунина нет характерного для Надсона мелодраматического надрыва, но оно целиком состоит из постромантических банальностей:

Могучей силой песнопенья
Он оживлял мечты свои;
В нем сердце билось вдохновеньем
И страстью искренней любви!

При этом в те же годы Бунин писал уже и совсем другие стихи, в которых нет бессодержательных излияний, а есть точность взгляда и завершенность детали, характерные для его зрелой поэтики.

В темнеющих полях, как в безграничном море,
Померк и потонул зари печальный свет —
И мягко мрак ночной плывет в ночном просторе
Немой заре вослед.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками,
Иль по меже тушкан, таинственно, как дух,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадает вдруг...

В 1889 году написано одно из самых знаменитых бунинских стихотворений, начинающееся блестящей и тоже уже очень характерной строфой:

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Такой чувственный и емкий образ в то время мог родиться разве что у последнего великого поэта XIX столетия, семидесятилетнего Афанасия Фета. Бунин смолоду зачитывается его стихами, но его импрессионизм отличается от фетовского. Он внимателен к тонким, едва уловимым впечатле-

ниями, дающим мгновенную картину целого, но при этом он глубоко рационален и эмоционально сдержан.

В том же 1889 году Бунину было предложено место помощника редактора в газете «Орловский вестник». Осенью он переехал в Орел. Так началась его жизнь профессионального литератора. В 1892–1895 годах он жил в Полтаве, а затем переехал в Петербург. В дальнейшем он жил попеременно в Петербурге и в Москве, часто путешествуя по России и за границей.

В 1891 году Бунин познакомился в «Орловском вестнике» с работавшей там корректором Варварой Пащенко, которую иногда называют его первой «невенчанной женой». Этот роман отразился в «Жизни Арсеньева». Отец Пащенко запретил ей брак с бедным и юным Буниным. Однако впоследствии выяснилось, что Варвара получила от отца согласие на венчание, но утаила его от Бунина. Тем временем отношения молодых людей усложнились, и в 1894 году в Варшаве Варвара оставила своего спутника. Вскоре она вышла замуж за его друга, литератора и актера Арсения Бибикова. В 1898 году Бунин женился на Александре Цакни, дочери редактора одесской газеты «Южное

обозрение», но два года спустя расстался с ней. Их единственный сын Николай умер в 1905 году, пяти лет от роду. Цакни еще долгие годы не давала Бунину развода, из-за чего он в течение шестнадцати лет не мог оформить свой следующий брак — с Верой Сергеевной Муромцевой, молодым химиком, дочерью видного юриста. С 1906 до конца жизни она была верной спутницей писателя. Ей принадлежат содержательные мемуары о его жизни.

Первая книга стихов Бунина вышла в 1891 году приложением к «Орловскому вестнику». В 1896 году вышел его перевод «Песни о Гайавате», имевший большой успех, а в 1897-м — первая книга прозы: «На край света и другие рассказы». По-настоящему поэзия Бунина была замечена после выхода второй книги — «Листопад» (1901). Эта книга вышла в символистском издательстве «Скорпион».

Сближение Бунина с символистами, имевшее место на рубеже веков, закончилось разрывом. Особенно враждебными стали отношения с Валерием Брюсовым. В 1903 году Бунин получает половинную Пушкинскую премию за «Листопад» (а в 1909-м вновь — за собрание сочинений в трех томах, причем делит ее с Куприным). Решение о присуждении премии принимали литераторы тради-

ционалистского толка, такие как поэт Арсений Го-ленищев-Кутузов и президент Академии наук К. Р. (великий князь Константин Романов). Бунин был им несомненно ближе, чем «декаденты», и тем не менее все равно слишком смел; чувства и мысли, которые он выражал в стихах, порою казались традиционалистам слишком сложными и непохвальными — и в итоге решение было компромиссным. В то же время и «прогрессивная» критика косо смотрела на Бунина, обвиняя его в «анимизме», культе бессознательных сил природы.

Одновременно с символистами Бунин посещает встречи прозаиков-реалистов — так называемые «среды», у него возникает дружба с Горьким, Куприным, Леонидом Андреевым. В 1899 году начинается его близкое общение с Чеховым. Разойдясь со «Скорпионом», он начинает сотрудничать с издательством «Знание», в котором выходят книги реалистов — в том числе «неореалистов», работающих в определенном диалоге с модернизмом, учитывающих его опыт. Именно к этому типу писателей относят Бунина-прозаика. Но если видных прозаиков в этом кругу было немало, то ни одного значительного поэта, кроме Бунина, не было. В результате творчество Бунина не воспринималось

в контексте русского модернистского движения — в отличие, например, от стихов Бориса Садовского, очень близкого Бунину по поэтике (хотя менее яркого), но печатавшегося в символистских изданиях.

Вот, например, слова Владислава Ходасевича из статьи, написанной в 1929 году и посвященной поэзии Бунина:

«Вероятно, молодой Бунин, один из последних питомцев совсем иной, помещичьей культуры, почти сразу почувствовал себя чужим среди московских символистов — первенцев российского урбанизма и fin de siècle'я. Ему, человеку гораздо более «земному» и здоровому, особенно резко должны были броситься в глаза те внутренние пороки, с которыми символизм родился на свет и которые в совокупности можно бы назвать декадентскою стороной символизма. Именно декадентство, со всеми его бытовыми и литературными проявлениями, было для Бунина всего очевиднее в символизме — и чем очевиднее, тем несноснее. Это и привело к разрыву...

...Но крайностям декадентов он противопоставил слишком большую уравновешенность чувства; их прихотливости — слишком законченную последовательность мысли; их стремлению к необычайности — нарочитую, подчеркнутую простоту; их

парадоксам — явную неопровержимость утверждений. Чем больше субъект символистской поэзии хочет быть исключительным, тем больше субъект поэзии бунинской старается быть нормальным. Весною он счастлив, ночью задумчив, на кладбище печален и т. д. Он говорит слишком ровным голосом и словно стремится походить на того несколько абстрактного, но безукоризненно правильного «человека», которого изображают в атласах».

Справедливо ли это? И да, и нет. Прежде всего потому, что Бунин ориентируется в том числе на определенную традицию французской предмодернистской поэзии — на линию Парнаса, на таких поэтов, как Леконт де Лиль, Эредиа. Их стремление к спокойному совершенству формы, благородству интонации, выверенности всех деталей, отказ от явного выражения чувств — все это было Бунину близко. Парнасцы влияли и на Брюсова, но тот соединял их традицию с наследием их антиподов — Бодлера, Верлена, следовавших за ними французских символистов. Бунин же соединял Парнас с традициями русской лирики XIX века.

С другой стороны, нельзя сказать, что Бунин совсем чужд «декадентства» — интереса к темным, страшным, изнаночным сторонам челове-

ческой природы, поэтизации неморальной силы и мощи. Эти элементы есть и в его прозе («Петлистые уши»), есть и в стихах 1910-х годов («Мушкет», «В Орде»). В его стихах есть и свойственное символистам упоение мгновенными и губительными прозрениями — вспомнить хотя бы такой его шедевр, как «Дурман» (1916):

Дурману девочка наелась,
Тошнит, головка разболелась,
Пылают щечки, клонит в сон,
Но сердцу сладко, сладко, сладко:
Все непонятно, все загадка,
Какой-то звон со всех сторон:

Не видя, видит взор иное,
Чудесное и неземное,
Не слыша, ясно ловит слух
Восторг гармонии небесной —
И невесомой, бестелесной
Ее довел домой пастух...

В чем, однако, Бунин абсолютный «контрсимволист» — это в бесконечной конкретности, в интересе к материальной, осязаемой детали. Впрочем,

в этом отношении он противостоит и эпигонской постромантической поэзии. О человеческом чувстве он всегда говорит через конкретную деталь, через материально осязаемый образ, как в знаменитом «Одиночестве» (1903):

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Можно вспомнить и более ранний (и не менее знаменитый) «Листопад» (1900). Аллегорический образ Осени — это не символ, уводящий читателя в иные миры или к несказуемому обыденным языком. Мир постепенно увядающей осенней природы сказочен, но в этой сказочности необыкновенно подробен и конкретен:

...Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.